

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. РУССКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПАРТОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО СТАТУСА.....	9
§ 1. Партология как раздел политической науки: содержание, генезис и философские основания.....	9
§ 2. Основные этапы становления и развития русской либеральной теории политических партий.....	20
§ 3. Философия русского либерализма как идейный феномен вообще и методология теории политических партий в частности.....	52
ГЛАВА 2. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ТРУДАХ Б.Н. ЧИЧЕРИНА И М.Я. ОСТРОГОРСКОГО.....	66
§ 1. Б.Н. Чичерин: диалектика как методология исследования партийных систем в условиях демократии и тоталитаризма.....	66
§ 2. Эволюция социально-философских представлений М.Я. Острогорского.....	77
§ 3. Философско-методологические основания критики М.Я. Острогорским института политических партий и конструирования проекта реформы политической системы.....	100
ГЛАВА 3. ПОЗИТИВИСТСКИЕ И НЕОКАНТИАНСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ.....	115
§ 1. «Динамическая социология» и концепция внеклассовой либеральной партии П.Н. Милюкова.....	115
§ 2. В.М. Хвостов: неокантианская трактовка феномена политических партий.....	132
§ 3. Концепция А.М. Рыкачева о параллелизме экономики и политики в контексте русской либеральной партологии.....	147
ГЛАВА 4. КОМПОНЕНТЫ МАРКСИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ИДЕЙ РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ.....	164
§ 1. Позитивизм и «экономический материализм» как философские основания концепции политических партий Ю.С. Гамбарова.....	164
§ 2. Классовый подход М.Н. Соболева как методология построения типологии русских политических партий	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	203
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	211

ВВЕДЕНИЕ

Последние полтора века истории стали периодом выдвижения и деятельности на политической сцене современных политических партий – стабильных организаций, объединяющих своих сторонников вокруг определенной идейно-политической программы и стремящихся к достижению политической власти, стараясь заручиться для этого максимально возможной общественной поддержкой. Сопреженный по времени с резкой массовизацией политической жизни, с укоренением демократических политических институтов, феномен партийной политики стал рассматриваться как атрибутивный признак современной демократии. В то же время политическая практика тоталитарных режимов продемонстрировала совершенно иное измерение партийной деятельности – миру был явлен образ партии «нового типа» – партии, сначала продемонстрировавшей свои исключительные конкурентные преимущества в состязании с либеральными, социал-демократическими и консервативными партиями, а затем, после прихода к власти, фактически присвоившей себе право реализации ключевых государственных функций и право принудительного навязывания обществу обязательной для всех идеологии, партии жестко дисциплинированной и фанатичной. Исторический опыт авторитарных режимов также продемонстрировал различные варианты использования института политических партий в качестве надежной опоры разного рода национальных лидеров.

Этот же период стал временем зарождения и интенсивного развития современной теории политических партий – *партологии*, поставившей своей целью изучение места и роли этого института в рамках политических систем, присущих ему организационно-управленческим механизмам и иерархическим уровням, анализ социологических и социально-психологических характеристик деятельности людей, непосредственно вовлеченных в партийные структуры или оказывающих партиям поддержку извне. Однако отмеченное разнообразие социальных последствий деятельности института политических партий неизбежно ставило перед специалистами в области партологии и политической философии, а также представителями политизированной общественности проблемы мировоззренческого и социально-философского плана. Основным из этих вопросов, вероятно, был вопрос об общей оценке соответствия института политических партий целям и задачам социального прогресса в условиях индустриального и постиндустриального общества. Носили ли трагические результаты деятельности политических партий в условиях тоталитарных и авторитарных режимов, так сказать, конкретно-исторический характер или же они явились закономерным результатом эволюции принципиально порочного по своей

сути политического института, негативные последствия функционирования которого даже в рамках западных демократий многократно превышают позитив? В рамках социально-философского вопроса о соотношении социального целого и его частей вполне правомерно поднимался вопрос о легитимности притязаний отдельных партий на определение направления развития всего социума. А каково человеческое измерение деятельности партий, т.е. условия личностного роста членов партий, социально-психологический климат в рамках партийных организаций? Каковы гносеологические аспекты теоретической деятельности партий в сфере осмысления политической реальности: в какой мере, в частности, эта деятельность способна отразить объективно-истинностные параметры последней и в какой мере на выходе мы имеем иллюзорные представления, навязанные партийному теоретику системой ценностных ориентиров партийной доктрины или пропагандистскими задачами мобилизации электората?

Очевидно, что на эти вопросы не могут быть даны ответы, годные на все времена: на каждом новом этапе социально-политического развития необходимо вновь и вновь обращаться к их осмыслению и решению, не забывая при этом, разумеется, и опыт предшествующей теоретической деятельности, в том числе (а может быть, и особенно) опыт, накопленный в рамках отечественных исследований в области партологии. Тем более важно отметить, что российские исследователи внесли весомый вклад в становление и развитие современной теории политических партий (несмотря на то, что Россия оказалась одной из последних европейских стран, в которых возникли и были легализованы политические партии).

По известным причинам в течение нескольких десятков лет отечественные историки философской и политической мысли наибольшее внимание уделяли изучению ленинской теории партии нового типа. Несравненно меньше изучались достижения либеральной партологии, хотя они были достаточно значимыми. Например, выдающийся русский философ и политический мыслитель Б.Н. Чичерин, на наш взгляд, был одним из исследователей, создавших условия для концептуального перехода от «предпартологии» к современной партологии, о чем свидетельствует, в частности, новаторская характеристика им роли радикально-социалистической партии в эвентуальной политической системе, обозначенной им как «всеобъемлющая машина», и впоследствии получившей название тоталитарной. Достаточно распространенной в мировом научном сообществе (хотя и не бесспорной) является характеристика другого нашего соотечественника – М.Я. Острогорского как одного из основоположников (наряду с Дж. Брайсом и Р. Михельсом) современной партологии, сложившаяся на основании осуществленного им глубокого анализа (на американском и

английском материале) закономерностей становления и функционирования института политических партий в демократических политических системах. Большой вклад в исследование места и роли партий в западных демократиях внесли М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев. Исключительными и пока недооцененными мы считаем результаты, достигнутые выдающимся историком и авторитетным либеральным политическим практиком П.Н. Милюковым, в отличие от Б.Н. Чичерина имевшим возможность наблюдать и теоретически обобщить реальные результаты деятельности большевистской партии, добавив тем самым новый концептуальный материал в дело разработки проблематики тоталитаризма.

Обобщающие характеристики философии русского либерализма, в том числе и либеральной политической философии, содержатся в работах В.В. Зеньковского, И.Д. Осипова, В.И. Приленского, А.Н. Медушевского, В.Ф. Пустарнакова, И.А. Голосенко, Б.А. Чагина, С.Н. Когана, В.А. Китаева, А.В. Гоголевского, И.В. Сибирякова, Л.И. Новиковой, И.Н. Сиземской.

Итоговые оценки вклада русского либерализма в развитие политической теории, в том числе и теории политических партий, были представлены в работах В.Ю. Байбакова, В.В. Ведерникова, А.В. Луночкина, С.И. Глушковой, Б.А. Исаева, В.Н. Корнева, А.И. Нарезного, В.В. Шелохаева, О.Ю. Малиновой, Н.В. Мамитовой, Ю.С. Пивоварова, Л.В. Селезневой, С.С. Секиринского, В.Е. Федоринова.

Заметные успехи достигнуты российскими и зарубежными учеными в изучении персоналий. Особо следует отметить единственную на данный момент в мире монографию о М.Я. Острогорском итальянского исследователя Г. Куальярелло .

Таким образом, можно констатировать значительное продвижение отечественных и зарубежных авторов в исследовании различных аспектов русского либерализма. В то же время целый ряд проблем, связанных с темой настоящей монографии, пока не получил соответствующего освещения. В частности, недостаточно разработаны общие вопросы социально-философских оснований русской либеральной теории политических партий, этапов развития русской либеральной школы партологических исследований, коллизий между представителями различных идейных направлений в ее рамках.

Объектом нашего исследования является идейное наследие крупнейших представителей российской либеральной политической мысли второй половины XIX – начала XX вв. в области теории политических партий (партологии).

Предметом исследования являются социально-философские основания партологических исследований русских либеральных политических мыслителей второй половины XIX – начала XX вв., их формирование и эволюция.

В данной работе ставятся и решаются следующие задачи:

- осуществление идентификации основных направлений партологических исследований в рамках русской либеральной политической мысли;
- анализ исходных социально-философских оснований партологических исследований, прежде всего представления русских либеральных мыслителей об особенностях исторического развития России в сравнительной (главным образом с Западом) перспективе; о природе социальных революций и механизмах их блокировки или минимизации обусловленных ими социальных издержек, в том числе и посредством целенаправленной деятельности партийно-политических структур; об идеале правового государства и соответствующем этому идеалу типе партийной системы; о роли личности в истории в связи с выяснением наиболее адекватных этой роли способов личностного участия в рамках партийных и иных негосударственных форм политической организации; об общих тенденциях социального прогресса в связи с прогнозированием направленности развития партийной системы;
- характеристика гносеологических аспектов партологических исследований русских либеральных мыслителей;
- исследование эволюции исходных социально-философских представлений русских либеральных мыслителей под влиянием современных им общественных движений; анализ изменений, которые под влиянием этой эволюции вносились в первоначальные партологические построения.

«Стыковой» характер темы монографии обусловил комплексное использование методов философского исследования, а также подходов, используемых в исторической и политической науках. Наряду с этим использовались и общенаучные методы – логический и классификационный.

Источниковую базу исследования прежде всего образуют монографии и статьи представителей русской либеральной политической мысли, в которых непосредственно или наряду с другими вопросами рассматривалась проблематика института политических партий.

В настоящее время накоплен огромный фактический материал по истории русского либерализма, нуждающийся в осмыслении. Стало очевидным, что историческое познание русского либерализма, его трагической судьбы и перспектив возможно только в общем контексте условий развития России, ее национально-культурных традиций, с учетом ментальности большинства. Ясно и то, что русский либерализм представляет собой особый *тип* либерализма, занимающий в «общей семье либерализма» свое собственное место, а его история является частью общей истории этой многоликой и разнообразной семьи. Исследование опыта создания и совершенствования

представителями русского либерализма современной теории политических партий – одно из важных направлений осмысления этого феномена.

Научная новизна исследования обусловлена как самой его темой, так и его содержанием. Она определяется, прежде всего, недостаточной разработанностью темы в современной философской и политической научной литературе и обусловлена следующими моментами:

- впервые всесторонне и комплексно исследуется самостоятельная проблема философских оснований русской либеральной теории политических партий с момента зарождения этой теории в 50-х гг. XIX в. и до 1917 г.

- формулируется понятие «философские основания теории политических партий», определяется его содержание, а также выявляется место и роль данного круга вопросов в структуре партологии, в системе взаимосвязей ее основных разделов.

- осуществляется и обосновывается периодизация процесса развития русской либеральной теории политических партий, а также идентификация различных идейных направлений в ее рамках.

- впервые всесторонне решается проблема приоритета отечественных либеральных мыслителей в разработке ряда важнейших аспектов современной партологии, и в том числе вопросов, связанных с философскими аспектами партийной деятельности.

- впервые вводится в научный оборот ряд произведений и других документов, принадлежащих перу крупнейшего российского исследователя теории политических партий – М.Я. Острогорского и позволяющих по-новому осветить ряд аспектов становления и развития русской либеральной теории политических партий.

ГЛАВА 1. РУССКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАРТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПАРТОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО СТАТУСА

§ 1. Партология как раздел политической науки: содержание, генезис и философские основания

В XVIII – первой половине XIX вв. ряд политических мыслителей (Г. Болингброк, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, Э. Берк, Д. Юм, А. Токвиль) обратил внимание на рост значимости института политических партий, высказав некоторые интересные суждения об особенностях его внутреннего строения и функционирования в условиях становящейся демократии.

Однако сочинения А. Токвиля и других указанных выше ученых содержат лишь весьма абстрактные представления о феномене политических партий. Данный этап исследования можно охарактеризовать лишь как своего рода подготовку к построению полноправной теории политических партий, *предпартологию*. Вышеуказанные авторы не могли выйти за рамки предпартологии, будучи ограниченными низким уровнем развития предмета своих исследований. Партии XVIII – первой половины XIX вв. были партиями раннего (немассового) типа, не обладавшими развитой внутренней организационной структурой и не способными – в силу весьма ограниченного избирательного права – сформировать сколько-нибудь значимую систему взаимосвязей с электоратом. Поэтому у ранних исследователей из всей совокупности политических отношений, складывавшихся в их деятельности, преимущественным вниманием пользовались отношения экзогенного (внешнего) типа, т.е. отношения партий с другими элементами политической системы, а также проблематика выражения партиями (в самом общем виде) интересов тех или иных социально-классовых групп. Наиболее близкими к современным характеристикам политических партий были в первой половине XIX в. американские партии, и именно поэтому исследовавший их А. Токвиль должен быть признан наиболее выдающимся представителем предпартологии. Однако партии США и в то время и сейчас отличаются от европейских рядом особенностей, затрудняющих их всесторонний анализ, например, отсутствие фиксированного членства и постоянно работающих первичных партийных организаций. Для перехода к этапу построения современной теории политических партий была необходима качественная трансформация предмета исследования.

Обозначилась эта трансформация в 60-е гг. XIX в. после принятия в Великобритании нового избирательного законодательства, значительно расширившего электорат. Вместе с тем данная реформа положила начало и новому этапу партийного строительства, связанному с развитием сети местных партийных организаций, призванных резко активизировать работу с новыми контингентами избирателей. Более того, сначала британские

либералы, а вслед за ними и консерваторы сочли за благо пойти на демократизацию внутрипартийной жизни посредством утверждения снизу доверху принципа выборности руководящих партийных органов. Сформированные на этой основе центральные комитеты политических партий, за которыми в англо-американской политической традиции закрепилось неформальное наименование «кокус», стали ареной борьбы между традиционными политическими лидерами аристократического происхождения и новой, демократической генерацией политиков – борьбы, исход которой все более определялся в пользу последних. Пришествие кокуса сопровождалось рядом негативных тенденций внутрипартийной жизни (блокировка артикуляции оппозиционных мнений, манипулятивное воздействие партийных лидеров на массы рядовых членов партий, тенденции олигархизации партийной элиты и др.).

Эта ситуация вызвала оживленную дискуссию в рамках европейского научного сообщества, в ходе которой обозначился переход от предпартологии к современной партологии. Современная же партология выросла на основе изучения сегодняшних массовых партий и всех типов политических отношений, складывающихся по поводу их деятельности – как экзогенного, так и *эндогенного* (т.е. внутреннего, связанного с изучением структурных компонентов партийной организации). Существеннейшим образом изменился и подход к изучению отношений экзогенного типа: значение приобрел анализ партийно-политических интересов и предпочтений различных категорий электората, методов ведения партийной пропаганды, механизмов вовлечения партиями граждан в те или иные формы политического участия и т.п. Следует отметить также, что, поскольку становление современной партологии совпало по времени с периодом быстрого развития социологической науки, то в рамках партологических исследований в гораздо больших масштабах, по сравнению с прежними, стали применяться социологические методы сбора и обработки информации.

Существуют разные подходы к периодизации партологии. Например, О.И. Каринцев выделяет следующие три основных периода: 1) институциональный (1902–1951 гг.); 2) бихевиоральный (1951–1967 гг.) 3) постбихевиоральный (1967 г. – по настоящее время)¹. При этом в качестве исходной точки первого этапа и всей периодизации в целом О.И. Каринцев предлагает считать вышедшую в 1902 г. «пионерскую» работу М.Я. Острогорского «Демократия и политические партии» (здесь, правда, он допускает неточность: в 1902 г. вышла работа «Демократия и организация политических партий», а ее сокращенный примерно вдвое вариант – «Демократия и политические партии» – был опубликован в 1912 г.). Б.А. Исаев предлагает к этим периодам добавить еще два: 1) начальный (традиционный) период теории партий (XVI – XVIII вв.) и 2) доктриналь-

¹ Каринцев О.И. Проблема создания теории политических партий: история, современное состояние, перспективы // Политическая социология / Редкол.: В.Л. Римский (отв. ред.) и др. — М., 2008. — С. 52–57.

ный, имевший место от Великой французской революции до начала XX в.² Что касается периодизации О.И. Каринцева, то мы предпочли бы считать началом современной партологии 1888–1889 гг., когда практически одновременно вышли работы Дж. Брайса «Американская республика» (1888) и М.Я. Острогорского «Об организации политических партий в Соединенных Штатах Америки» (1888–1889). Периоды, указанные Б.А. Исаевым, мы в настоящей монографии обозначим термином «предпартология». С учетом этих замечаний дадим обзор основных особенностей этапов развития современной партологии, при этом, характеризуя бихевиоральный и постбихевиоральный периоды, будем следовать концептуальным положениям и логике изложения О.И. Каринцева.

1. *Институциональный период (конец 80-х гг. XIX в. – 1951 г.)*. Признаки перехода от предпартологии к современной партологии обозначились уже в ходе дискуссии о британских кокусах и стали еще более значимыми после выхода в свет монографии Дж. Брайса «Американская республика» и работы М.Я. Острогорского «Об организации политических партий в Соединенных Штатах Америки». Затем последовали работы М.Я. Острогорского «Демократия и организация политических партий» (1902), Р. Михельса «Социология политической партии в условиях современной демократии» (1911). Высшей точкой и одновременно финалом этого этапа стало появление книги М. Дюверже «Политические партии» (1951).

Одним из выдающихся представителей первых десятилетий развития современной партологии был английский политический мыслитель Дж. Брайс. Характеристике идейного наследия этого ученого мы уделим несколько больше места по сравнению с другими персоналиями, поскольку еще в начале XX в. был поставлен вопрос о том, кто именно – Брайс или Острогорский – имеют приоритетное право претендовать на статус основоположника современной теории политических партий (авторское решение этого вопроса представлено во 2-м параграфе настоящей главы)³.

Уже в 60-е годы XIX века Дж. Брайс добился признания в качестве одного из ведущих представителей системно-аналитического подхода в исследовании политических институтов (монография «Священная Римская империя» (1864)), за его плечами был значительный опыт профессорско-преподавательской работы в Оксфорде и парламентской деятельности (принадлежал к левому крылу Либеральной партии). Следующим крупным этапом творческой биографии Брайса стало фундаментальное исследование политической системы США, в ходе которого он совершил три научные поездки в эту страну, накопив бесценный опыт непосредственного восприятия американских политических реалий. Трехтомный труд Дж. Брайса «Американская республика» вышел из печати в конце

² Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем: Учеб. пособие для студентов вузов. — М., 2008. — С. 32–33.

³ Масы J. [Рец. на кн.:] Ostrogorski M. Democracy and the Party System in the United States: A Study in Extra-Constitutional Government. N.Y., 1910 // The American Political Science Review. — 1911. — № 3 (August). — P. 472–474

1888 г., и значительная часть 3-го тома книги (около 250 стр.) была посвящена анализу политических партий.

Накопленный Дж. Брайсом в предшествующие годы опыт компаративных исследований нашел достойное применение в «Американской республике». В частности, Брайс отвел значительное место сравнительной характеристике политических и партийных систем США и западноевропейских стран, особенно Великобритании. Одним из его ключевых выводов стал тезис о том, что в США политические партии являются *главными движущими силами* политики: «там правительство играет менее важную роль, чем в Европе, а партии более важную...»¹. Сопоставление американской и западноевропейской партийных систем Брайс осуществил также по характеристике проблем партийного лидерства, социального состава партий, социально-психологических аспектов взаимодействия приверженцев политических партий и др.

Дж. Брайс детально проанализировал влияние общих принципов организации политической системы США на особенности функционирования политических партий. Например, отсутствие в США ярких партийных лидеров он объяснял принципом разделения властей, строго реализованным в этой стране. «В Америке, – полагал он, – власть не сосредотачивается в руках правительства, этот факт отражается и на организации политических партий. Отделение законодательной власти от административной не только ослабляет ту и другую, но... ослабляет и влияние вождей политических партий»².

Весьма обстоятельно Брайс изложил особенности функционирования партийной организации, процедуру отбора и продвижения во властные структуры партийных лидеров, методы удовлетворения групповых интересов партийной элиты после победы их партий на выборах. Английский ученый дал уничтожающую критику деятельности коррумпированных «рингов» и «боссов», отметив, однако, что эти социальные феномены не составляют сущности демократической формы правления, а входят в нее в качестве случайных явлений, становящихся реальностью только при некоторых особых условиях, как, например, обычай чистки государственного аппарата от сторонников проигравшей на выборах партии, практика прибыльных государственных заказов, многочисленность невежественных и послушных избирателей, уклонение граждан от политического участия³.

Дж. Брайс поднял в своей книге важную и не раз подвергавшуюся впоследствии дискутированию проблему размывания идейно-политической идентичности партий. Отсутствие различий между основными принципами партийной политики, полагал он, обусловило концентрацию усилий партийных элит не на реализации ясно определенных целей в политиче-

¹ Брайс Дж. Американская республика. — М.: К.Т. Солдатенков, 1890. — Ч.2. — С. 269.

² Там же. — С. 316

³ Там же. — С. 387.

ской сфере, а преимущественно на продвижении во властные структуры своих представителей, способных в будущем усилить влияние партии, занимая общественные должности⁴.

Английский исследователь охарактеризовал феномен размывания идейно-политической идентичности партий как наиболее значимый симптом кризиса этого политического института. Он отмечал, что для политической партии принципы – то же, что жизнь для организма, что душа для тела: когда душа отлетела, тело должно разрушиться⁵. Вместе с тем Брайс предостерегал своих читателей от переоценки скорости освобождения политического пространства Америки от партий: «Они могут существовать еще долго после того, как угасла их духовная жизнь. Гвельфы и гибеллины боролись между собою в Италии почти в течение двух столетий после того, как император перестал угрожать папе, а папа перестал оказывать помощь городам Ломбардии»⁶. Дело в том, разъяснял ученый, что имеют место быть политические феномены и процессы, поддерживающие на плаву этот больной политический институт: сила политической традиции (в настоящее время американские партии существуют лишь благодаря тому, что они существовали прежде); необходимость каким-то образом организовать волеизъявление граждан на выборах; целенаправленно осуществляемые партийными элитами меры по укреплению и развитию организационных структур (механических аппаратов) партий⁷.

Более того, признавая, что новая эра политической жизни США, наступившая после окончания гражданской войны, выдвинула нерешенную пока задачу или возникновения новых партий, или преобразования старых посредством усвоения таких принципов и воззрений, которые соответствовали бы нуждам времени⁸, Брайс не исключал возможности решения этой задачи в будущем. Большую надежду английский ученый возлагал на моральное оздоровление внутрипартийной жизни в результате прихода в партии нравственных, ориентированных на служение общественному благу честных граждан, принадлежащих большей частью к молодому поколению, которое не заражено дурными привычками, укоренившимися в среде старого поколения при прежних порядках. Брайс полагал, что признаки политической активизации этой генерации честных граждан уже налицо, и что через несколько лет их влияние сделается еще более сильным⁹.

Дж. Брайса впоследствии часто упрекали за недостаточное использование социологических методов исследования. В этом отношении более выигрышно выглядели работы М.Я. Острогорского, М. Вебера и Р. Михельса.

⁴ Там же. — С. 342

⁵ Там же. — С. 287.

⁶ Там же. — С. 288..

⁷ Там же. — С. 269, 288.

⁸ Там же. — С. 281.

⁹ Там же. — С. 340.

Р. Михельс в монографии «Социология политической партии в условиях современной демократии» проанализировал не только структурно-функциональные (организационные), но и социально-психологические основания процесса олигархизации политических партий, связанные с массовизацией общественного сознания в рамках индустриального общества. Он указал на опасность бюрократизации партийного руководства, обособления, по выражению ученого, партии внутри партии. Немецкий исследователь обратил внимание на тенденцию превращения партии в самоцель¹. Как будет показано далее, в постановке этих вопросов Михельса опередил М.Я. Острогорский. В то же время представляется спорным распространенное мнение о том, что одним из идейно-теоретических источников концепции политических партий Р. Михельса стали работы М.Я. Острогорского. Во всяком случае, Михельс это категорически отрицал, утверждая, что вплоть до публикации своей книги он вообще не был знаком с сочинениями Острогорского².

М. Вебер рассматривал партии в контексте экономических, политических и духовных отношений формирующегося капитализма. Взяв за основу изложенную Острогорским схему генезиса партийных структур в Англии и США от аристократических клубов до плебисцитарных форм, он в то же время не согласился с точкой зрения российского ученого об исторической исчерпанности роли института политических партий. Он указал, в частности, на значимость регулятивной функции государства, способной серьезно скорректировать негативные последствия межпартийной конкуренции. В перспективе реализация регулятивной функции государства, прогнозировал Вебер, приведет и к трансформации способа руководства партиями. Примечательна также характеристика Вебером специфики партийной системы Германии, обусловленная тремя обстоятельствами: низкой значимостью законодательной ветви власти, огромной ролью профессионального чиновничества и выраженной идейно-политической дифференциацией политических партий. Следует отметить также, что Вебер стоял у истоков анализа феномена большевистской партии как организации насильственного характера, осуществляющей функции направления деятельности государственных, экономических, военных и репрессивных органов³.

Широкий социологический подход к партиям как к политическим институтам осуществил М. Дюверже. Анализируя генезис политических партий, он рассматривает предшествующие им формы политической организации – конкурирующие политические группировки античности и

¹ Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии (главы из книги) // Диалог. — 1990. — № 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 18.

² Quagliariello G. Politics without Parties. Moisei Ostrogorski and the Debate on Political Parties on the Eve of the Twentieth Century. — Aldershot etc., 1996. — P. 220.

³ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 670–689.

средневековья, управленческие кланы и др. Ученый проследил детерминирующее влияние на партогенез процессов разделения властей и формирование парламентаризма, отметив прямую зависимость между расширением права голоса, умножением числа голосующих и наличием групп политических и партийных активистов.

Вкладом М. Дюверже в политическую науку стали его типология партийных систем и вывод об обусловленности того или иного типа партийной системы, действующей в данной стране в качестве типа избирательной системы. Исследуя внутреннюю структуру партии, ученый рассмотрел ее основные компоненты – комитет, секция, ячейка, полиция⁴.

Основой трактовки института политических партий в рамках марксизма-ленинизма стал классовый подход. Особое внимание марксисты уделили разработке концепции коммунистической партии, призванной возглавить борьбу пролетариата и его классовых союзников за революционное уничтожение капиталистической формации и построение коммунизма. Характеризуя политическую систему периода диктатуры пролетариата и социалистического общества, марксисты обосновывали вывод о коммунистической партии как ядре этой системы, направляющей силе в деятельности всех государственных и общественных организаций. В целом, с точки зрения классовой природы коммунистической партии, ее высшего предназначения, выполняемых функций, структурной организации и других параметров, она представлена в работах марксистов как партия нового типа по сравнению со всеми предшествовавшими ей типами партийно-политической организации.

Выполненные за этот период исследования Брайса, Острогорского, Михельса, Вебера, Дюверже и других авторов обеспечили базу для развития теоретических построений на десятилетия вперед, заложив основы исследования партий как самостоятельной научной дисциплины, ранее не обособленной от философии, социологии, истории, юриспруденции и т. д.

Поэтому основная роль этого периода заключается в определении правильного направления развития систематического сравнительного анализа партий в период бихевиористской революции.

2. *Бихевиоральный период* (1951–1967). Бихевиористская революция позволила осуществить значительный шаг вперед в эмпирическом исследовании партий, сделав его систематическим и отвечающим высоким научным требованиям. Это удалось во многом благодаря тому, что политологи получили возможность проверить свои допущения и гипотезы на обширном эмпирическом материале. В то же время главная цель – построение общей теории партий – не была достигнута.

Методологической основой бихевиорального периода стал эмпирический подход, акцентировавший значимость эмпирических данных. Высшей его точкой стал проект К. Джанды, завершившийся созданием эмпирической теории партий.

⁴ Дюверже М. Политические партии. — М.: Академический проект, 2002.

Кроме того осуществлялись важные попытки создания теории на основе дедуктивных положений, исходя из двух наиболее влиятельных в то время парадигм – структурно-системной и ортодоксальной версии теории рационального выбора. Обе парадигмы пытались построить строгую и дедуктивную теорию партий (как часть теории политики в целом), но в обоих случаях эти попытки успехом не увенчались¹.

По мнению О.И. Каринцева, причина неудач построения общей теории партий состоит в том, что оба подхода слишком жестко следовали изначально заданным схемам, предполагавшим универсальный характер, но имеющим лишь ограниченную применимость на деле.

Представители первого подхода позиционировали партию как структурно-функциональный элемент стабильности политической системы, а их оппоненты – как рациональный способ объединения кандидатов, стремящихся к максимизации собственной прибыли с помощью захвата правительственных должностей и с этой целью артикулирующих политическую программу, чтобы выиграть выборы, а не выигрывающих выборы, чтобы реализовать политическую программу².

Оба подхода, как выяснилось, не точно отражают реальную ситуацию, особенно за пределами западной демократии. Эти и другие недостатки подходов вызвали необходимость в существенном пересмотре теоретических представлений о партиях и методологии их исследования в ходе постбихевиористского этапа³.

3. *Постбихевиоральный период* (после 1967г.). Просчеты структурно-системной парадигмы и ортодоксальной версии теории рационального выбора вызвали в 1970-1980-е гг. временный спад теоретической активности в исследовании партий. Присущий периоду бихевиоризма оптимизм относительно строительства теории сменился разочарованием и скептицизмом в отношении будущего общей теории партий вследствие неудач в достижении этой цели.

В результате в исследовательском сообществе возникли сомнения относительно того, возможно ли построить общую теорию партий в принципе. Тем не менее, это не означало отказа от попыток ее построения. Напротив, возник сильный стимул для поиска новых парадигм и подходов.

Как отметил О.И. Каринцев, преодоление недостатков бихевиоризма наряду с использованием его достоинств составило продуктивную линию развития исследований партий в 70–80-е гг., что отразилось в переходе к индуктивным методам строительства теории.

Символическим началом этапа теоретических поисков стала выдвинутая в 1966 г. О. Кирхаймером концепция трансформации западноевропейских партий в сторону так называемых всеохватывающих партий.

¹ Каринцев О.И. Проблема создания теории политических партий. — С. 53–54

² Каринцев О.И. Проблема создания теории политических партий. — С. 54.

³ Там же.

Тезис Кирхаймера стимулировал переосмысление традиционных взглядов на политические партии как на массовые организации, представляющие интересы определенных социальных групп. Свои усилия исследователи стали направлять на поиск новых, более адекватных моделей и концепций партий, отражавших тенденции их трансформации.

Результаты этих усилий проявились в главном теоретическом достижении постбихевиористских исследований партий – создании новой парадигмы под названием «изменение партий» («party change»). Согласно парадигме «party change», в условиях постиндустриального общества политические партии сохраняют свою роль в качестве фундаментальных институтов демократии, обеспечивая представительские функции. Работы в рамках этой парадигмы акцентируют внимание на новых тенденциях, возникших в партиях западных демократий в связи с усилением их зависимости от государства и медиаресурсов, ослаблением связей с электоратом и использованием новых технологий политической деятельности⁴.

Суммируя эвристический потенциал различных версий теории рационального выбора, О.И. Каринцев отдает предпочтение ее «мягкой версии», отмечая в то же время, что в целом уровень теоретической продукции постбихевиористского периода оказался не удовлетворительным. Среди основных причин его упущений в формировании общей теории партий выделяется недостаточная широта охвата (в основном западные демократии)⁵.

Современные теоретики партий видят некий выход в постановке и решении отдельных проблем изучения, характерных для любых партий, стран и регионов. При этом некоторые из них, суммируя и выстраивая проблемы в определенной последовательности, объявляют это *общей теорией партий*. Сумму же и определенную последовательность других проблем, характерных для партий только данной страны или региона, они называют *специальной теорией партий*.

Сторонник такого подхода Р.Ф. Матвеев отмечает, что задачей общей теории партий является разработка методологии и типологии партий, изучение законов движения, проявляющихся во всех партиях – от их создания до современного состояния, – в области организации, структуры, социальной базы и состава. При этом общая теория партий должна учитывать не только единичный, но, по возможности, и весь имеющийся коллективный, глобальный, интегрированный опыт многих партий, действующих в разных условиях. Особое внимание общая теория партий уделяет таким фундаментальным проблемам, как методология анализа, типология, соотношение науки и политики, теории и практики. В отличие от этой теории специальная теория партий изучает конкретные особенности и специфические законы, проявляющиеся в определенных типах партий той или иной страны⁶.

⁴ Каринцев О.И. Проблема создания теории политических партий. — С. 54–57.

⁵ Там же.

⁶ Матвеев Р.Ф. Теоретическая и практическая политология. — М.: Ассоц. «Рос. полит. энцикл.», 1993. — С. 104–106.

По мнению Б.А. Исаева, применение общей и специальной теории эффективно в случаях исследования партий одной страны и менее эффективно при изучении партий обширного региона, которые трудно подвести под какой-либо общий знаменатель. Особенно эффективно применение общей и специальной теории в отношении партий страны, политическая, социальная, культурная и другие сферы которой уже хорошо изучены с помощью методического приема «общее и особенное», когда при сравнении с известным уже образцом (например, Западной Европой) сначала определяются сходства, а затем различия. К таким странам относятся государства Центральной и Восточной Европы и Россия, имеющие, с одной стороны, общую основу в виде демократической конституции, демократической политической системы и сходного закона о партиях, с другой – заметные различия в историческом пути, пройденном политическими партиями в политической культуре членов партий и избирателей¹.

Дав краткий исторический очерк развития теории политических партий, мы хотели бы далее изложить наше представление о структуре партологии, которая даже в научной литературе или не поднимается вовсе, или излагается в самом общем виде.

На наш взгляд, поскольку партология является составной частью политической науки, отправным пунктом в решении этого вопроса является принятие одной из точек зрения относительно предмета и структуры последней.

Мы придерживаемся подхода А.И. Соловьева, разделяющего понятия «политическая наука» и «политология». Политическую науку А.И. Соловьев характеризует как *интегративную* область знаний, обобщающую все дисциплины, которые в той или иной мере исследуют разнообразные предметные грани политического мира. В этом смысле она выступает в качестве совокупности различных (гуманитарных и естественных) дисциплин, некоей меганауки, объединяющей и одновременно создающей возможность для расширения класса политических объектов. Опираясь на данный подход, А.И. Соловьев включает в содержание политической науки такие разделы, как политическая философия, политическая социология, политико-правовая теория, политическая география, политическая этика и др. Политологию же (или политическую науку в узком смысле слова) он определяет как *совокупность дисциплин*, занятых сравнительным исследованием политических систем (сравнительная политология), механизмов формирования политики (теория государственного управления, принятия решений) и политических изменений (политическая конфликтология, транзитология), неинституциональных аспектов политической жизни (теория политической культуры, политической идеологии, теория международной политики и т.д.)². Несколько более абстрактно – как общую теорию политики – понимает предмет по-

¹ Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем. — С. 36–37.

² Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — С. 18–21.

литологии в узком смысле А.А. Дегтярев³. Разумеется, эти внешний и внутренний аспекты политического знания разделить порой оказывается возможным лишь формально-логически, поскольку в исследовательской практике они теснейшим образом взаимосвязаны (нельзя, например, представить себе содержательные исследования в политической конфликтологии или транзитологии без использования политической социологии).

Исходя из данного подхода, можно было бы поставить вопрос о разграничении понятий «теория политических партий» и «партология» (или теория политических партий в узком смысле). Однако, на наш взгляд, пока время для этого разграничения еще не наступило – прежде всего по причине несопоставимо более скромного по сравнению с политической наукой содержательного потенциала теории политических партий (партологии). В то же время, рассматривая (опять-таки пока) последние два понятия как синонимы, мы не можем не видеть, что содержание теории политических партий (партологии) весьма гетерогенно, и иного не может быть, поскольку наука о партиях является составной частью политической науки, а если говорить точнее, наука о партиях, тяготея в общем и главном к проблематике политологии, вместе с тем целым рядом своих тем (социологических, правовых и – что наиболее актуально в данном случае для нас – философских) выходит на проблематику внешнего круга политической науки.

В настоящий момент структура теории политических партий (партологии) может быть представлена, на наш взгляд, следующим образом.

Философские основы партологии. Этот раздел науки о партиях может включать в себя следующие философские проблемы:

- *онтологические* проблемы, связанные с постижением сущности партийно-политической организации в континууме исторически сменяющих друг друга форм репрезентации и кооперации социальных интересов, выполняющих также функцию координации усилий индивидов в достижении ими неких целей в политическом пространстве; решение проблемы права политических партий на существование в контексте анализа диалектики взаимосвязи социального целого и его части, а также в контексте диалектики социальных изменений и консервации достигнутого уровня социального развития;

- *гносеологические* проблемы, связанные с решением вопроса о степени адекватности отражения политической реальности партийными элитами в условиях, когда возможность этого отражения ограничены партийной идеологией, политическими ожиданиями рядовых членов и сторонников партии и т.д.

- *аксиологические* проблемы, связанные с исследованием различных систем ценностных предпочтений, складывающихся у членов и сторонников политических партий и обусловленных спецификой функционирования последних;

- *логико-математические* проблемы, представляющие собой результат репрезентации средствами логики и математики некоторых аспектов дея-

³ Дегтярев А.А. Предмет и структура политической партии // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. — М., 2000. С.95–116.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.